

Ювелирная работа

Ольга Фукс
Фото Екатерины Цветковой
предоставлены
пресс-службой
МХТ им. Чехова

17 АВГУСТА
2015 ГОДА
ОЛЕГ ТАБАКОВ
ОТМЕТИТ
80-ЛЕТИЕ.

Махнув рукой на предрассудки, он спродюсировал свою юбилейную премьеру задолго до известной даты. Не оправдал ожиданий

тех, кто, быть может, рассчитывал на бенефисное лицедейство с выходами под обязательные аплодисменты. Да ещё и в постановщики позвал Константина Богомолова, которого меньше всего можно заподозрить в готовности режиссёра-ремесленника «обслужить звезду». И одержал победу – тихую и пронзительную.

Об этой премьере в МХТ, сыгранной несколько раз, знает даже королева Великобритании Елизавета II. Не потому, разумеется, что так погружена в жизнь российского театра. Просто она является героиней пьесы – возможно, и вымышленной, однако сыгранной не только с фотографической точностью, но, что важнее, с верностью сути. И даже если ничего не знать про королевскую особу, которая носит безупречные шляпки, держится безукоризненно и олицетворяет собой английскую монархию вот уже более шестидесяти лет, многое можно понять о ней, увидев игру Натальи Теняковой.

Есть легенда о том, как Елизавета II принимала у себя первого космонавта Земли. Юрий Гагарин признался тогда, что вырос в деревне, поэтому не разбирается в сложной иерархии столовых приборов и привык есть ложкой. Королева ответила, что хоть и выросла в Букингемском дворце, тоже до сих пор путается в этих тонкостях – и взялась за ложку... Наталья Тенякова играет это величие простоты, оплаченное невероятной работой над собой, и эту мудрость, оплаченную потерей, может быть, счастья, но не собственного лица.

Пьеса британской актрисы и драматурга Николы Маколифф (перевод Ольги Варшавер и Татьяны Тульчинской) – об умирающем от рака старике, который когда-то был преуспевающим ювелиром, но с годами разорился, рассорился с пожилым уже сыном, живущим на другом конце земли, и завершает свою жизнь в дешевом социальном жилье со старухой-женой, которой давал поводы для обиды.

Ситуация банальная – небанальна лишь мечта старого мастера: непременно опровергнуть прогнозы врачей, дожить

до своего 90-летия и принять ответный визит королевы Англии, обещанный ему шестьдесят лет назад. Накануне её коронации ювелир был приглашён в Букингемский дворец, где нуждались в его услугах, а в результате провёл несколько часов с будущей королевой и запомнил эту встречу на всю жизнь.

Молодые люди дали друг другу слово: он – сделать ей ювелирное украшение, она – нанести ему визит в девяностолетний юбилей. А обязательства надо выполнять. Даже если у тебя терминальная стадия рака. Из-за этого Морис Ходжер и приглашает патронажную сестру (Дарья Мороз), сопровождающую больных до самой смерти. Впрочем, окаменевшей от горя и кажущейся совершенно бесчувственной жене (Наталья Тенякова) такой уход нужен не меньше.

Константин Богомолов действовал как дирижёр-диктатор, подчинив своей воле даже зрителей. Сначала лишив их комфорта и заставив вслушиваться в каждое слово, сказанное с той осторожностью и бесстрастностью, с какой разговаривают в доме больного. А потом, в финале, – отмерив им с музыкальной точностью время для благоговейной тишины и время для аплодисментов. Чтобы дирижировать эмоциями, Богомолов использовал свой излюбленный приём с плазменными панелями – они транслируют то крупные планы (кинематографическая роскошь, которой ещё недавно театр был лишён), то режиссёрские ремарки – этакие театральные хокку, полные горечи, иронии и свободы:

**«НАЧАЛО» – «НАЧАЛО КОНЦА» –
«НАЧАЛО КОНЦА НАЧИНАЕТСЯ»;**

**«ПАМЯТЬ – ЭТО КЛЕТКИ МОЗГА» –
«РАК УМНОЖАЕТ КЛЕТКИ» –
«РАК УМНОЖАЕТ ПАМЯТЬ» –
«ПАМЯТЬ – ЭТО ОПУХОЛЬ» –
«СМЕЁТСЯ ПАМЯТЬ –
СМЕЁТСЯ ОПУХОЛЬ»;**

**«МОРФИЙ ПОПАДАЕТ В КРОВЬ» –
«МОРФИЙ ОБНИМАЕТСЯ С КРОВЬЮ» –
«КРОВЬ РАЗНОСИТ МОРФИЙ
ПО ДРЯХЛОМУ ТЕЛУ,
СЛОВНО ТАЛЫЙ СНЕГ»;**

**«УМЕРЕТЬ ВЕСНОЙ – ЭТО ПРОСТО
ОЗНАЧАЕТ УМЕРЕТЬ ВЕСНОЙ»;**

«ТИШИНА» – «АПЛОДИСМЕНТЫ».

Но в пьесе есть не только рифмы между сбывшейся мечтой и смертью, логической завершённостью судьбы и примирением всех и вся. Куда же бенефису без темы театра! Оказывается, патронажная сестра, синий чулок, провожающая больных в последний путь, обожжённая увиденным и отвернувшаяся от жизни, когда-то играла в театральной студии. Именно она объясняет жене, истерзанной ревностью к самой королеве, болью за умирающего мужа, жалостью к себе, что неплохо бы забыть все обиды и исполнить его последнее желание. Ну, нанять, что ли, актрису-двойника, объяснить ей задачу. Голос бесцветный, глаза потухшие – эта девочка-медсестра с нелепым пучком на затылке явно не стала бы актрисой, но режиссурой жизни и расставания с ней она владеет в совершенстве.

И когда королева оказывается как две капли воды похожей на жену, его величество театр вступает в свои права и вносит в скорбную однозначность финала игру самых разных отражений. Что означает эта беседа? Галлюцинации умирающего? Фантастическую правду,

в которой настоящая королева сдержала королевское обещание (и кто знает, может быть, та встреча с молодым ювелиром значила в её строго размеренной дворцовой жизни нечто большее, чем дружеская беседа)? Подвиг жены, сыгравшей возлюбленную, чтобы скрасить мужу последние часы? Причудливое признание мужа, открывшего жене, что именно она и была его королевой? Их общую грустную улыбку над общей жизнью, которая обещала быть прекрасной? Куда нам без этой игры иллюзий и возвышающего обмана...

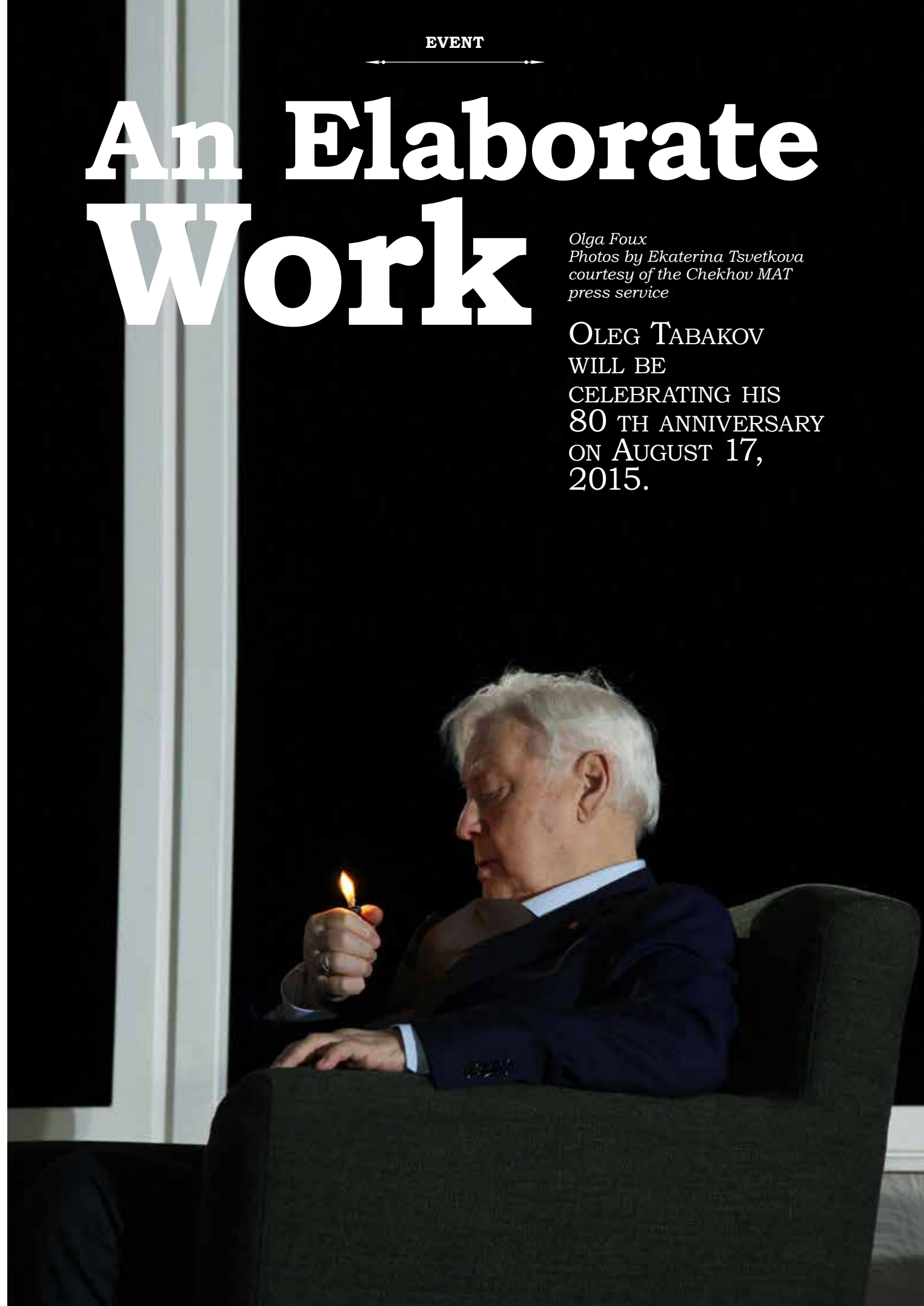
Олег Табаков, кажется, никогда ещё не играл так тихо и сосредоточенно, с таким обращённым «очами внутрь» вниманием, с такой нежностью к каждой оставшейся минуте. С верой в собственное достоинство мастера, умеющего разделять истинное и ложное, поддельное и настоящее, и придавать последнему достойную огранку. Протягивая – королеве ли, жене ли – коробочку с невидимым миру сокровищем, которое он создавал всю жизнь, экономя на необходимом и собирая прекрасные камни, старый мастер признаётся: «Это лучшая моя работа».

EVENT

An Elaborate Work

*Olga Foux
Photos by Ekaterina Tsvetkova
courtesy of the Chekhov MAT
press service*

OLEG TABAKOV
WILL BE
CELEBRATING HIS
80 TH ANNIVERSARY
ON AUGUST 17,
2015.

Disregarding all superstitions on the subject, he produced his own anniversary premiere long before the specified date. He disappointed those, who were, perhaps, expecting to see benefit-type histrionics with stage appearances to the sound of obligatory applause. And, to top it all off, he called on Konstantin Bogomolov, the man least likely to be suspected of artisan director-like readiness to “serve the star”, to stage it. And he achieved victory – quiet and poignant.

Even Queen Elizabeth II of Great Britain knows about this premiere that had been performed several times at the MAT. And it is certainly not due to the fact that she is so immersed in the life of Russian theatre. She just happens to be the protagonist of the play – fictional, perhaps, yet portrayed not only with photographic accuracy, but, more importantly, with faithfulness to her essence. And even if we knew nothing about this royal person, who wears these perfect little hats, carries herself impeccably and has now personified British monarchy for over sixty years, we can gain a better understanding of her from Natalia Tenyakova’s performance.

There is a legend about Elizabeth II hosting the Earth’s first astronaut. Yuri Gagarin admitted to her then that he grew up in a village and, therefore, did not know the complicated hierarchy of silverware and was accustomed to eating with a spoon. The Queen replied that, even though she grew up in Buckingham Palace, she still gets lost in all these subtleties as well – and proceeded to pick up a spoon... Natalia Tenyakova portrays this greatness of simplicity, the cost of which was monumental self-cultivation, and this wisdom, the cost of which was the loss of happiness, perhaps, but not the loss of face.

A play by British actress and playwright Nichola McAuliffe (translated by Olga Varshaver and Tatiana Tulchinskaya) about an old man, who is dying of cancer. He was once an accomplished jeweler, but he went broke over the years, had a falling out with his already middle-aged son, who lives on the other side of the world, and he spends the remainder of his days in cheap social housing with his elderly wife, to whom he gave plenty of reason for resentment.

The setup is trite – the only thing that isn’t trite is the old master’s dream: to find a way to disprove the doctors’ prognoses, to live to celebrate his 90 th anniversary and accept the re-

turn visit from the Queen of England promised to him sixty years ago. On the eve of her coronation, the jeweler was invited to Buckingham Palace, where they required his services, and, as a result, he spent several hours in the company of the future queen, and he remembered that encounter for the rest of his life.

The young people made a promise to each other: he pledged to make a piece of jewelry for her, she pledged to pay him a visit on his ninety-th birthday. And commitments are meant to be fulfilled. Even if you have terminal stage cancer. For this reason Maurice Hodger invites a visiting nurse (Darya Moroz), who attends to the sick until their death. Admittedly, though, his wife (Natalia Tenyakova), who is petrified with grief and seems completely numb, needs that care as much as he does.

Konstantin Bogomolov acted like a dictator director, who even bent audience members to his will. First by depriving them of comfort and forcing them to listen carefully to every word that is spoken with the kind of discretion and detachment commonly reserved for households where someone is ill. And then in the finale by measuring out for them with musical precision a time for reverential silence and a time for applause. In order to orchestrate emotions, Bogomolov used his favorite method with plasma display panels – they go from transmitting close-ups (a cinematographic luxury that was until recently unavailable to theatre) to showing director’s remarks – a theatre haiku of sorts, full of bitterness, irony and freedom:

“Beginning” – “Beginning of the end” – “Beginning of the end begins”;

“Memory is brain cells” – “Cancer multiplies cells” – “Cancer multiplies memory” – “Memory is a tumor” – “Memory is laughing – the tumor is laughing”;

“Morphine gets into the bloodstream” – “Morphine embraces the blood” – “Blood carries morphine through the infirm body like melted snow”;

“To die in the spring simply means to die in the spring”;

“Quiet” – “Applause”.

But the play has more than just rhymes between the fulfilled dream and death, destiny’s logical conclusion and everyone’s reconciliation. How can a benefit performance not have theatre as its subject! Turns out that the visiting nurse, a bluestocking, who lays the sick to rest, who’s been burned by the things she had seen and has turned her back on life, had once performed at a theatre studio. She is the one, who explains to the wife, tormented by her jealousy of the Queen herself, by the pain she

feels for her dying husband and by pity for her own self, that it wouldn’t be a bad idea to forget all the affronts and fulfill his final wish. To hire an actress double, for instance, and explain the task to her. A colorless voice, lackluster eyes – this young nurse with a ridiculous bun on the back of her head would clearly never have made actress, but she has perfect mastery of the staging of life and the departure from it.

And when the Queen ends up being the spitting image of the wife, his majesty theatre comes into its own and introduces a game of various reflections into the mournful unequivocalness of the finale. What is the meaning of that conversation? Hallucinations of a dying man? A fantastical truth, wherein the real queen has kept her royal promise (and, who knows, maybe that meeting with the young jeweler meant more in her strictly measured palace life than a simple friendly conversation)? A heroic deed by the wife, who played the role of the beloved in order to brighten her husband’s final moments? The husband’s extravagant confession, revealing to his wife that she was always his queen to begin with? Their mutual sad smile over their life together that held such promise of being beautiful? How could we exist without this game of illusions and sublime deception...

Oleg Tabakov, it seems, has never before played so quietly and with such concentration, with such “eyes inward” attention, with such tenderness toward every remaining minute. With the belief in his own worth as a master, who knows how to separate the true from the false, the fake from the real, and give the latter proper faceting. The old master takes a box with treasure invisible to the rest of the world, a treasure he spent his whole life creating, skimming on the essentials for the sake of collecting beautiful stones, and hands it over – whether it be to the Queen or to his wife – admitting, “This here is my best work.”

